

Политическое структурирование социальности: особенности и перспективы логики гегемонии

Шуплецов И.В.

Реконструкция логики гегемонии в состоянии не только разъяснить политический принцип структурирования социальности, но и показать, что сегодняшние попытки размывания границ общества не всегда полностью ускользают от понимания. В этой связи мы видим определенный смысл в утверждении, что политическое структурирование социальности в решающей степени формирует современный горизонт понимания общества. Развивающаяся в данном контексте логика гегемонии в состоянии уловить тот факт, что социально-гуманитарные рефлексии постоянно имеют дело с концептом «невозможности общества». Однако размывание границ общества наводит на размышления относительно того, что следует понимать под логикой гегемонии.

Значительно расходясь с Марксом, Лакло, тем не менее, сохраняет мощь его риторики и говорит об обществе, прежде всего, сквозь призму идеологии. Он пытается определить границы и референциальную идентичность идеологии, что представляется серьезной проблемой. В условиях кризиса экономистской и редукционистской концепции марксизма, необходима проработка теории идеологии на новом языке. «В рамках марксистской традиции мы можем выделить два классических подхода к проблеме идеологии. Эти подходы часто – но не всегда – смешиваются. При первом подходе «идеология» мыслится на уровне социальной всеобщности; при втором она отождествляется с ложным сознанием» [Лакло Э. Невозможность общества. Логос: философско-литературный журнал // http://logos.kofr/2002/2002_14.htm]. Оба подхода кажутся размытыми в результате кризиса посылок, на которых они основывались: обоснованность первого зависела от концепции общества как постижимой всеобщности, рассматриваемой как структура, на которой основываются ее отдельные элементы и процессы. Обоснованность второго подхода предполагала концепцию целостности личности – субъекта, обладающего максимальной внутренней гомогенностью, неузнавание которой постулировалось в качестве источника «идеологии».

Отправным пунктом логики гегемонии является формализация и обобщение сосюрковского понятия значения. Общеизвестен сосюрковский тезис: значение и идентичность конституируются через отношение различия, следовательно, значение и идентичность дифференциальны. Во-первых, задача заключается в том, чтобы показать, как можно представить некоторое сообщество как целое, т.е. сообщество со своими границами, обеспечивающими эту целостность. При условии, что мы имеем дело с чисто дифференциальными элементами, мы должны определить целое, внутри которого эти элементы, как дифференциалы, конституируются. Очевидно, что решение первой задачи связано с определением границ этого целого. Для того чтобы определить целое, мы должны определить его границы и тем самым

дифференцировать его от того, что им не является. Во-вторых, поскольку изначально исключаются (в силу дифференциального отношения между элементами) какие-либо априорные и трансцендентные структурные центры, задача заключается в том, чтобы объяснить возможный центр сообщества, только исходя из взаимодействия различий. Решение этой двойной задачи и призвано дать нам логику гегемонии.

Политическое, пишет Лакло, внутренне стратегично, и гегемоническая политическая стратегия предполагает «три решающих момента: 1) момент артикуляции, который учреждает социальное; 2) момент случайности, поскольку эта частная артикуляция – только одна из возможностей среди бесконечного множества других; 3) момент антагонизма, «гегемоническую победу над конфликтующими волями», когда одна инстанция общества временно одерживает победу над другой» [Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. L., N.Y., 1985. P. 186-187].

Момент артикуляции, учреждающий социальное, предполагает понятие эквивалентности, т.е. артикуляцию дифференциальных элементов в эквивалентную связь. Иначе говоря, артикуляция заключается в том, чтобы ограничить, упорядочить, «приручить» отношения различия и закрыть границы социального, определить эти границы. Можно предположить несколько возможностей.

Прежде всего, редукция социального к некоторой трансцендентной сущности, фундирующей элементы, составляющие социальное, то есть к сущности априорной и предшествующей дифференциальным отношениям элементов. Эта возможность исключается с самого начала, поскольку эквивалентность универсализируется, элементы, составляющие социальное, отождествляются между собой, полностью лишаются своего дифференциального содержания. Вторая возможность связана с тем, чтобы обозначить границы социального, артикулировать, отличить его от того, что находится за его границами. Эта возможность также исключается, поскольку это отличное или другое оказывается всего лишь другим различием в дифференциальной системе социального. Если социальное как социальное учреждается отношениями различия, его Другое, всякое другое становится имманентным этому социальному. Третья возможность связана с артикулированием социального с помощью каких-то элементов, составляющих это социальное. Но если какой-то элемент определяет границы сообщества, тогда эта граница сама оказывается ограниченной другими элементами, составляющими социальное. Элемент, артикулирующий социальное как целое, в одно и то же время артикулировал бы целое и был бы противопоставлен тому, что он артикулирует, то есть этому целому. Следовательно, это была бы не полная артикуляция, поскольку из этого целого сам элемент оказывается исключенным. А нам требуется элемент, который артикулировал бы социальное как целое, а не какую-то его часть.

Все эти исключенные возможности говорят об одном: тогда как элементы системы могут быть артикулированы отношениями различия, сама систематичность и границы системы – нет. Если различие и есть то, что конституирует элементы, и если граница и систематичность социальности должны быть представлены тем, что избегает игры различия, тогда нам требуется элемент, который ничего не артикулирует, и как таковой есть условие возможности социального как целого. Такой элемент, точнее, означающее, Лакло называет «пустым означающим», означающим без положительного дифференциального содержания, означающим, подвешивающим игру различия.

Если теперь мы представим себе абсолютно пустое означающее, тогда мы будем иметь отношение различия, которое Лакло и Муфф называют антагонизмом. Поскольку пустое означающее действительно пусто, оно способно представлять систематичность системы и ее границы через антагонистического Другого. Пустое означающее представляет полноту или позитивность социального и только; иначе говоря, оно уже не представляет элементы социального. Тогда социальное учреждается исключительно эквивалентными отношениями между элементами социальности. Поскольку в таком случае эта эквивалентность не может иметь дифференциального содержания, она устанавливается исключительно через создание чисто внешней границы, исключенного Другого (как пример). Перед лицом этого исключенного Другого все различия в сообществе становятся эквивалентными, «выравниваются». И соответственно, все, что находится за пределами данной социальности, скажем, сообщества, будет представляться как угроза полноте и самотождественности сообщества. Отношение к антагонистическому Другому – это отношение отрицательности, потому что антагонистический Другой не может быть просто еще одним положительным различием. Тогда именно это антагонистическое отношение к Другому объединяет элементы сообщества.

Второй момент логики гегемонии – момент случайности. «Если социальное не может быть представлено, если социальное как социальное отсутствует, тогда роль этого представления берет на себя какой-то элемент социальности. Здесь не важно, какой именно элемент берет на себя роль представления социального как целого. Главное в том, что отношение между социальным как целым и его элементом, представляющим это целое, является чисто случайным отношением, иначе оно было бы концептуализируемым представлением социального как целого. Именно поэтому формы представления социального всегда неадекватны. Некоторый зазор обязательно существует между тем, что нуждается в представлении, и формой представления – между социальным и представляющим его элементом. Отношение между ними случайно и гетерогенно» [Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. L., N.Y., 1985. P. 110].

Именно этот момент случайности и делает возможным и неизбежным момент антагонизма – гегемонию. Если бы между ними не было зазора, тогда

невозможна была бы любая другая артикуляция (через другие означающие). Конечно, гегемоническое движение артикуляции всегда пытается «приватизировать» процесс артикуляции, закрыть социальное как тотальность, но это всегда незавершенная тотальность. Поскольку социальное непосредственно непредставимо, его представление есть результат изначального различия между социальным и его отдельным элементом, представляющим его. Это изначальное различие вписано в саму возможность существования социального как социального: социальное выходит в присутствие только через это различие. Это различие и называется «разрывом пустого означающего».

Пустое означающее разрывается между своей ролью представления социального и своим дифференциальным остатком. Элемент, представляющий эквивалентность эквивалентной связи, никогда не сможет выполнить эту задачу именно из-за этого изначального разрыва. Всегда сохраняется различие между универсальным и партикулярным, сообществом и частью. Эквивалентность и подчинение отношений различия эквивалентной связи каждый раз подрывается дифференциальным остатком в эквиваленте. Именно поэтому «...пустое означающее только в тенденции можно назвать пустым. И как результат, любой элемент в эквивалентной связи может вступать как в отношения различия, так и в отношения эквивалентности. Пустое означающее неспособно полностью разорвать отношения различия, поскольку оно никогда не является полностью пустым» [Там же. Р. 112].

Представление сообщества означающим порождает иерархию, где какой-то элемент призван представлять целое. Поскольку отношения между элементами характеризуются отношениями эквивалентности, превращение какого-то из них в представителя целого, пусть даже ценой опустошения своего содержания, происходит за счет всех остальных элементов. Другие элементы должны будут репрессировать свои дифференциальные содержания, чтобы вступить в общую эквивалентную связь. Так что все-таки важно, какой элемент берет на себя роль представления универсального, поскольку отношение между социальным как таковым и каким-то его элементом носит случайный характер.

Здесь и начинается антагонизм, гегемоническая борьба, когда один элемент социальности берет вверх над другими элементами. Каждый элемент вступает и в отношения эквивалентности, и в отношения различия с другими элементами эквивалентной связи, т.е. он не ограничивается только простой эквивалентной связью. Так вот, в этом случае он может быть дизартикулирован из этой связи и реартикулирован в другую связь. «Именно это и предполагает гегемоническая борьба: дизартикуляция и реартикуляция элементов. Таким образом, условием возможности гегемонии является разрыв между дифференциальным и эквивалентным содержанием элемента социальности. Если бы элемент мог полностью замаскироваться под пустое означающее, стать всеобщим эквивалентом, тогда никакой гегемонии не было бы» [Там же. Р. 113]. Лакло называет означающие, которые неспособны замаскироваться в эквивалентную связь, «плавающими означающими». На самом деле, все

означающие потенциально являются плавающими, поскольку разрываются между дифференциальным и эквивалентным содержаниями. Если означающие и элементы социального суть частично плавающие, тогда социальное и его границы неустойчивы. Можно было бы сформулировать более радикально: поскольку все означающие, по крайней мере потенциально, являются плавающими, то есть однозначно не принадлежат эквивалентной связи или социальному, границы между сообществами всегда неустойчивы и само социальное никогда не дается как целое. Политическое универсальное возникает из партикулярного не как основной и объяснительный принцип партикулярного, но как неполный горизонт, сшивающий дислоцированную партикулярную идентичность.

Главным для понимания «гегемонической логики» является признание не только того, что исходное учреждение социального является политическим, но также того, что все акты учреждения по необходимости неполны. Эта политизация общества действует как двойное смещение: с одной стороны, имеется, конечно же, экспансия политического ценой социального; но с другой стороны, политизация включает также случайное производство социальной связи и в некотором смысле децентрирование общества. То, что делает политическое возможным – случайность актов учреждения – делает его невозможным, поскольку никакой учреждающий акт окончательно недостижим. Согласно Лакло, политизированное социальное, то есть социальное как эффект политического, по сути, не-тотализируемо и не-тотализирующе.

Политика без границ теперь становится возможной, становится возможной «политика обоюдного выигрыша» ('win-win politics') где могут быть найдены решения, удовлетворяющие всех. Это подразумевает, что политика больше не организуется вокруг социальных разделений и что политические проблемы становятся просто техническими. Радикальная политика должна быть посвящена «жизненным» вопросам, оставаясь при этом «порождающей» то есть позволяющей людям и группам продуктивно действовать. Демократия же должна восприниматься в форме диалога, где противоречия разрешаются посредством диалога с партнером. «В наши дни много говорят о «демократизации демократии». В принципе, нет ничего странного в этой перспективе, и с первого взгляда, она совпадает с нашей идеей «радикальной и плюралистической демократии». Однако, здесь имеется существенное различие, поскольку мы никогда не рассматривали процесс радикальной демократии как протекающий в нейтральном пространстве. Мы его понимали как процесс, основательно трансформирующий существующие властные отношения. Для нас объективным являлось установление новой гегемонии, которая требует создания новых политических границ, а не их исчезновение» [Лакло Э., Муфф Ш. К радикальной демократической политике: предисловие ко второму изданию Гегемонии и социалистической стратегии // <http://www.politizdat.ru/outgoung/15/>]. Проблема с «действительным существованием» либеральных демократий заключается не в их сущностных

ценностях, кристаллизованных в принципах свободы и равенства для всех, а в системе власти, которая переопределяет и ограничивает функционирование этих ценностей. Вот почему проект «радикальной и плюралистической демократии» понимается как углубление «демократической революции», как расширение демократической борьбы за свободу и равенство на более широкий спектр общественных отношений.

Таким образом, социал-демократический дискурс обнаруживает недостаток обращений к возможной альтернативе существующего социального порядка. Последний берётся как единственно возможный, так как если бы, допуская его иллюзорный характер, полный разрыв с рыночной экономикой обязательно бы устранял возможность разных видов регулирования рыночных сил, и означал отсутствие альтернативы полного принятия рыночной логики. Обычным оправданием «безальтернативной догмы» является глобализация и аргумент, который в целом направлен против редистрибутивной социал-демократической политики. Он гласит, что «...закрытые фискальные конструкции при встрече с правительствами являются единственными реалистическими возможностями в мире, где глобальные рынки не допускают никакого отклонения от неолиберальной ортодоксии. Этот аргумент отдаёт приоритет идеологической сфере, которая появилась как результат многолетней неолиберальной гегемонии, и продолжает трансформировать то, что является конъюнктурным положением дел в историческую необходимость» [Там же]. Размышлять в терминах гегемонических отношений означает порвать с этими «заблуждениями». Это результат гегемонических движений в части определённых общественных сил, которые оказываются в состоянии осуществить глубокую трансформацию отношений. «Существует другой путь, на котором теоретическая перспектива... может внести вклад в восстановление центральности политического. Посредством выноса на обсуждение недостатков того, что в настоящее время представляется как наиболее обещающее философское видение прогрессивной политики: модель «делиберативной демократии» предложенная Хабермасом и его последователями» [Там же].

Лакло и Муфф показывают, что, политика не заключается в простом наборе уже существующих интересов, но играет существенную роль в оформлении политических субъектов. В этих вопросах они сходятся с последователями Хабермаса. Более того, они соглашались с ними по поводу необходимости принятия во внимание множества разных голосов, которые включает в себе демократическое общество, дабы расширить поле демократической борьбы. И тем не менее, существуют важные точки различия, которые связаны с теоретическими рамками. «Центральная роль, которую играет концепция гегемонии в нашей работе, перекрывает все возможности последнего примирения (*final reconciliation*) любого вида рационального консенсуса, полностью включающих «нас». Для нас, не-исключающая публичная сфера рационального аргумента концептуально невозможна. Конфликт и разделение, на наш взгляд, не являются ни нарушением, которое, к сожалению, не может быть исправлено, ни эмпирическими помехами,

делающими невозможным полное представление гармонии, которую мы не сможем достичь, потому что никогда не сможем полностью оставить в стороне наши партикулярности для того, чтобы действовать в согласии с нашим рациональным «я», с гармонией, которая будет, тем не менее, формировать идеалы, к которым мы стремимся» [Там же]. Следовательно, без конфликта и разделения плюралистическая демократическая политика была бы невозможна. Убеждение в том, что заключительное разрешение конфликта в конце концов возможно, даже если это видится как асимптотический подход к регулятивной идее рационального консенсуса, далекого от создания необходимого горизонта для демократического проекта, является, по убеждению Лакло и Муффа рискованным мероприятием. Понимаемая таким образом плюралистическая демократия становится «само-опровергаемым идеалом», потому что сам момент её реализации будет означать её отмену. Поэтому для демократической политики принципиально важным является признание любой формы консенсуса именно как результата гегемонистической артикуляции.